

УДК 821.161.1“18”

DOI 10.25688/2076-913X.2019.35.3.13

К.В. Ризаева

Антигерой в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Н. Альбова

В статье рассматривается освоение образа антигероя, изображенного Ф.М. Достоевским, в ряде рассказов и очерков его последователя М.Н. Альбова. Делается вывод о том, что характер антигероя у Альбова не только намеренное подражание великому писателю, но и своеобразное его переосмысление.

Ключевые слова: антигерой; подражание; литературное влияние; художественный мир.

Изучение литературного контекста, во-первых, выявляет специфику поэтики выдающихся произведений и, во-вторых, определяет особенности ее освоения художниками так называемого второго ряда. О значении произведений малоизвестных писателей высказывался еще В.Г. Белинский: «Бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы» [5, с. 379]. Таким «обыкновенным талантом» в последней трети XIX в. обладал Михаил Нилович Альбов (1851–1911). Он рано начал печататься в газетах. Его малая проза была опубликована в книге «Повести и рассказы» (СПб., 1888), в 1906–1908 гг. издано полное собрание сочинений в восьми томах. В конце XX в. часть его произведений переиздавалась.

Хотя о сочинениях некогда известного беллетриста одобрительно отзывались Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, а имя упоминалось в статьях Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского и других авторитетных критиков, за писателем закрепились определения «последователь», «приверженец», «эпигон». Эти оценки основывались на общем впечатлении о его творчестве, а аргументация носила преимущественно эмоциональный характер. Научного обоснования, предполагающего детальный анализ, возможные связи и закономерности взаимодействия классики и беллетристики в конце XIX в., его произведения пока не получили. Приблизить к этой цели могло бы решение такой задачи, как определение особенностей восприятия Альбовым образа антигероя, воплотившегося в ряде его рассказов и очерков.

Влияние Ф.М. Достоевского на произведения Альбова проявляется в самых разных аспектах. Возникает вопрос о качестве и силе этого влияния. Еще гимназистом Альбов опубликовал в газете «Петербургский листок» «Записки подвального жильца» (24 февраля 1866 г.) и «Петербургские мизерабли» (1 и 4 сентября 1866 г.). Заголовки отсылают читателя к романам Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) и «Записки из подполья» (1864). Заглавие произведения — зона авторского присутствия, что позволяет сделать предположение об отсылке к синонимичным заголовкам Достоевского и мрачной атмосфере названных произведений. Особенности восприятия Альбовым произведений Достоевского имели, видимо, субъективную, психологическую мотивировку. В последние годы жизни, вспоминая свою молодость, Альбов признавал: «Я с детства был склонен к меланхолии и страдал приступами безотчетной тоски» [6, с. 178]. Возможно, эта предрасположенность обусловила то сильное впечатление, которое произвел на него мрачный художественный мир произведений Ф.М. Достоевского. Как бы то ни было, юношеское *подражание*, выражающееся в заимствовании (хотя и не точном) заголовков, в передаче мрачной атмосферы изображаемой жизни явно прослеживается в первых напечатанных произведениях Альбова.

Более сложный тип влияния творчества Достоевского обнаруживается в осмыслении характера главного героя. В последней трети XIX в. в ряде произведений русской литературы в центре внимания авторов оказываются личности крайне негативного плана. В романе «Записки из подполья» Ф.М. Достоевский назвал главное действующее лицо антигероем: «...в романе надо героя, а тут *нарочно* собраны все черты для антигероя...» [4, т. 4, с. 549]. Антигерой — художественное открытие Достоевского. Этот характер глубоко конфликтен: с одной стороны, самоосуждение доходит у него до самоотрицания, с другой — он противопоставляет себя всему свету, выказывая свое превосходство. Его антиномичность емко определил философ Н.О. Лосский: «Мелкая дрянность антигероя “Записок из подполья”, гнусная расчетливость уверенно идущих к своей хищнической цели людей, вроде Юлиана Мастаковича (“Елка и свадьба”) или Лужина (“Преступление и наказание”), одержимость сладострастием Федора Павловича Карамазова, Свидригайлова... сочетается в подпольном человеке с попытками метафизического бунта — гордым вызовом миропорядку, Богу, природе, обществу» [9, с. 23].

Подпольный человек — антигерой пишет о себе: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен). Нет-с, я не хочу лечиться со злости» [4, т. 4, с. 549]. К изображению этого типа писатель неоднократно возвращался. Характер антигероя, т. е. пер-

сонажа, совершающего неприглядные поступки, наделенного негативными внешними и душевными качествами, заимствуется Альбовым. Самосознание антигероя, психологические мотивы его действий становятся центром *нравственно-философской проблематики ряда его произведений*.

Во всех антигероях Альбова есть узнаваемые черты персонажей произведений великого мастера. Кроме того, он сам указывал на это. Так, психиатрический этюд «День итога» (1879) М.Н. Альбов посвящает «*Великой тени Достоевского*» [1, с. 2]. Многозначным представляется такой эпитафия, в котором подчеркнуто обращение уже не к личности классика, а к тому образу, который сложился в представлениях читающей публики, — к его «великой тени». Как иносказание, допускающее различные толкования, воспринимаются оба слова: «великой», «тени», указывающие на степень постижения философии писателя.

В изображении героя Альбов повторяет (осознанно или непреднамеренно) некоторые художественные приемы Достоевского. В рассказе «День итога» главный герой напоминает читателям Родиона Раскольникова из романа «Преступление и наказание» (1866). Одиноким бедным студентом, «чудной» и «несуразный» Петя Глазков, как и Раскольников, живет в Петербурге. Его съемная «мрачная, проклятая, опостылевшая комната» «с темными углами» [1, т. 1, с. 4] напоминает описание «каморки», «крошечной клетушки» Раскольникова.

О близости этих персонажей свидетельствуют некоторые особенности их поведения. Так, Раскольников периодически впадает «в глубокую задумчивость», «в какое-то забытье», бормочет «про себя от своей привычки к монологам» [4, т. 5 с. 6]. Глазков «бледный и мрачный» «сидит» «как статуя, блуждая помертвелыми зрачками» [1, т. 1, с. 24]. О болезненности и истеричности студента свидетельствуют «растерянный взгляд», «бледные губы», его сознание раздваивается. Глазкова одолевает «мучитель», который «появляется всегда неожиданно <...> Эта тайна составляет центр его жизни» [1, т. 1, с. 4]. Главная причина его мучений — болезненное самолюбие или, как выражается его мучитель, «самолюбьишко, самолюбьишко, вот твое несчастье!» [1, т. 1, с. 6]. Меткая психологическая характеристика: тщеславие — и тут же осуждение своих претензий, выраженное в слове с уничижительным суффиксом, прозвучавшем дважды. Чтобы утвердиться, необходимо рискнуть, как и Раскольникову, которого тоже какая-то неведомая и непреодолимая сила тянула на преступление. Однако в рассказе Альбова риск состоит не в убийстве другого человека, а в «блаженстве поклониться себе» [1, т. 1, с. 139], т. е. самоубийстве. Но антигерой Альбова значительно переосмыслен. Это персонаж, не способный противостоять среде, поэтому стремящийся уйти от реальности в выдуманные миры своих фантазий, где восприятие реальности искажено и граничит с психопатией и не существует моральных границ.

Не однажды в произведениях Альбова события происходят в мрачном мире, напоминающем романы Достоевского. Так, в «Преступлении и наказании» читаем: «лестница была темная и узкая, черная» [4, т. 5, с. 8], в сходном

месте происходит и действие в рассказе Альбова: «темно было как в трубе, на этой лестнице, одной из самых отвратительнейших... нащупал рукою перила...», а ступени — «крутые и скользкие» [3, с. 298]. Такие параллели позволяют прочесть высказывание А.П. Чехова об Альбове не только в обобщенном смысле, но и в буквальном: «Альбов и Баранцевич наблюдают жизнь в потемках и сырости водосточных труб» (А.С. Суворину, 3 апр. 1888) [5, т. 2, с. 230].

С первых строк в рассказе «Осенним вечером» (1876) прослеживается зарождение отвратительной идеи, которая становится основой сюжета: молодой человек начинает преследовать случайную попутчицу, хорошенькую молодую незнакомку, с «бледно-матовым лицом», «ярко-пунцовыми губами» и «смелым взмахом длинных ресниц над серыми, спокойными глазами» [3, с. 296]. Идя за ней по пятам, преследователь нанимает комнату по соседству с той, что занимает девушка. Для него это начало истории, о которой он рассказывает своему приятелю: «...роман в лицах и действии, с эффектной, совершенно оригинальной завязкой, массой перипетий, в самом современном, реальнейшем духе... и, наконец, с развязкой, как принято, в духе “среднего читателя”, сиречь, соединением сердец... словом, все, как подобает роману» [3, с. 318]. «Ну а затем? Что в результате? Вообще, в чем цель всего этого?» [3, с. 319] — спрашивает его приятель. В ответе обнажается весь цинизм намерений Чемерицына: желание совершить низкий поступок — совратить девушку в угоду своему тщеславию. Его приятель с омерзением отнесся к рассказу: «Эдакое животное подлое!» [3, с. 336], эти слова можно рассматривать как реминисценцию из «Преступления и наказания». Услышав историю Сони, Раскольников восклицает: «Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [4, т. 5, с. 28]. Однако очевидно, что мысль героя Достоевского глубже и противоречивей, носит характер обобщения: «Ну а коли я соврал, — воскликнул он вдруг невольно, — коли действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное всё — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!...» [4, т. 5 с. 28]. Грубоватая и однозначная оценка поступка в рассказе у Альбова конкретна и не содержит идеологических выводов. Однако мрачная и тяжелая атмосфера рассказа, низость антигероя, текстуальное совпадение напоминают читателям о художественном мире, в котором разворачиваются события произведений Достоевского, вызывают ассоциации с идеями его персонажей.

Произведения Достоевского являются своеобразным материалом для размышлений и сочинений Альбова — здесь встречаются и текстовые цитаты, и переложения, сюжетные ходы, персонажные пары (отношения «хозяйка — жилец»), действие развивается в том же хронотопе (петербургские мосты, дворы, переулки, знакомый по Достоевскому интерьер — тесная комната, диван, стол), передается ощущение неизбывной нищеты.

Заимствуя детали, Альбов доводит только намеченные у Достоевского и потому не теряющие художественной условности черты до полной определенности.

В результате картина делается однотонной, мысль одноплановой. Отчасти это объясняется переносом романной по емкости мысли в тесное пространство рассказа или очерка. Достоевский рассматривал идею с разных сторон, по словам Мережковского, в своих «опытах иногда получает он состояния души человеческой столь же новые, кажущиеся невозможными, “неестественными”, сверхъестественными, как жидкость воздуха» [10, с. 150]. Альбов констатировал и оценивал, т. е. преподносил готовый результат своему читателю, представлял «состояния души» неоригинальные, что в значительной степени снижало уровень художественности и, соответственно, ослабляло силу эмоционального воздействия на читателей.

Исследуя идею, Достоевский не мог, как пишет П.В. Палиевский, «поработиться» ею «при невероятной способности развернуть ее в полной наглядности и убедительной силе. Это делали его неудачные поклонники, готовые по разным причинам отождествлять себя с такой мыслью, получив додуманную за них до конца Достоевским формулировку, как правило, поражающую своей точностью. Между тем для Достоевского любая мысль или идея — лишь средство постижения громадного целого, “нравственного закона”, смысла истории. Идеи — пути к этому целому, они новые обстоятельства жизни, среда обитания» [11, с. 149]. Альбов, напротив, оставался в конкретных границах изображенного явления, ситуации, события.

Перечитанные произведения Альбова свидетельствуют об активном и самостоятельном усвоении им особенностей мира классических произведений, принципов и приемов изображения, открытых великими предшественниками. Это дает основание говорить о сильной подверженности творчества Альбова литературным влияниям. Особый интерес представляет вопрос о специфике и характере этого влияния, решение которого позволит дать более объективную трактовку процесса литературных взаимодействий в начале XX в. Эта особенность (подверженность литературным влияниям) была видна таким противительным современникам писателя, как В.Г. Короленко, который отметил мимоходом, что Альбов «подражатель сильный и талантливый» [8, с. 311].

В том, что сильное литературное влияние является знаком невысокой художественной ценности, отдавал отчет сам писатель. Повествователь, от лица которого ведется речь в одном из рассказов Альбова («На точке», 1885), передает мысли героя — филолога, перечитывающего свои ранние художественные произведения, которые ему не удалось опубликовать: «И, одно за другим, перед ним возникали открытия. Все, что когда-либо им было прочитано у известных писателей и произвело впечатление, оказывалось воспроизведенным на этих страницах, в другой только форме... Вот, почти целиком, глава из “Гражины” Мицкевича, вот тут похоже на “Демона” Лермонтова, дальше не обошлось даже без Кукольника... В повести “Недолгое счастье” Гоголь и Диккенс выглядели из каждой строки...» [2, т. 3, с. 72]. В этом высказывании звучит мысль о непреднамеренных реминисценциях, т. е. о том явлении, которое

определяют как ученическое подражание. Максимальная близость точек зрения повествователя и героя позволяет рассматривать данное критическое суждение как отражение позиции автора рассказа. Убедительность этого вывода подкрепляется тем, что сходство «литературных деталей, не подтвержденное документально (творческой историей произведения), привлекая внимание читателей и исследователей, может служить указанием на реальное явление» [12, с. 13]. Реальным явлением предстает в данном случае литературный источник.

Библиографический список

Источники

1. Альбов М.Н. День итога // Соч.: в 8 т. СПб.: Маркс, 1906–1908. Т. 1. С. 3–139, 323 с.
2. Альбов М.Н. На точке // Соч.: в 8 т. СПб.: Маркс, 1906–1908. Т. 3. 321 с.
3. Альбов М.Н. Осенним вечером // Повести и рассказы. 2-е доп. изд. СПб.: Тип. и лит. В.А. Тиханова, 1887. С. 294–336.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 6–28.
5. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Литература

6. Альбов М.Н. Автобиография, продиктованная в июле 1909 года по просьбе Ф.Ф. Фидлера // Первые литературные шаги. 1911. С. 176–181.
7. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 8. 728 с.
8. Короленко В.Г. О литературе. М.: Гослитиздат, 1957. 715 с.
9. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-ii-teodiceya-dostoevskogo.htm> (дата обращения: 22.01.2019).
10. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.
11. Палиевский П.В. Развитие русской литературы XIX–XX веков. Панорама. СПб.: Росток, 2016. 287 с.
12. Романова Г.И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуinine в 1920-е гг. // Вестник МГПУ. Сер.: Филология и языкознание. 2014. № 2. С. 8–15.

References

Istochniki

1. Al'bov M.N. Den' itoga // Soch.: v 8 t. SPb.: Marks, 1906–1908. T. 1. S. 3–139, 323 s.
2. Al'bov M.N. Na tochke // Soch.: v 8 t. SPb.: Marks, 1906–1908. T. 3. 321 s.
3. Al'bov M.N. Osennim vecherom // Povesti i rasskazy'. 2-e dop. izd. SPb.: Tip. i lit. V.A. Tixanova, 1887. S. 294–336.
4. Dostoevskij F.M. Sobr. soch.: v 15 t. L.: Nauka, 1989. T. 4. S. 6–28.
5. Chexov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t. M.: Nauka, 1974–1983.

Literatura

6. *Al'bov M.N.* Avtobiografiya, prodiktovannaya v iyule 1909 goda po pros'be F.F. Fidera // *Pervy'e literaturny'e shagi*, 1911. S. 176–181.
7. *Belinskij V.G.* Poln. sobr. soch.: v 13 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 8. 728 s.
8. *Korolenko V.G.* O literature. M.: Goslitizdat, 1957. 715 s.
9. *Losskij N.O.* Dostoevskij i ego xristianskoe miroponimanie. N'yu-Jork: Izd-vo im. Chexova, 1953. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/losskij-hristianskoe-miroponimanie/glava-ii-teodiceya-dostoevskogo.htm> (data obrashheniya: 22.01.2019).
10. *Merezhkovskij D.S.* L. Tolstoj i Dostoevskij. M.: Nauka, 2000. 589 s.
11. *Palievskij P.V.* Razvitie russkoj literatury' XIX–XX vekov. Panorama. SPb.: Rostok, 2016. 287 s.
12. *Romanova G.I.* Metodologicheskie problemy' izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg. // *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya i yazy'koznanie*. 2014. № 2. S. 8–15.

K.V. Rizaeva

Antihero in F.M. Dostoevsky's and M.N. Albov's Works

The article regards the image of antihero displayed by F.M. Dostoevsky («The Sketches from the Underground» and the novel «Crime and Punishment») and his follower M.N. Albov. The study reveals that the image of antihero appearing in Albov's works is not only a deliberate imitation of the one introduced by the great novelist but majorly rethinking of its unique features.

Keywords: antihero image; imitation; literary influence; artistic world.